УДК 37.013

ШКОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

М.А. Ермакова

Ермакова Мария Андреевна,

выпускник аспирантуры, кафедры теории и методики преподавания русского языка как иностранного, филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: ermakova.marie@mail.ru

Аннотация. В статье освещается проблема формирования лингвокультурологического минимума (ЛКМ) для иностранных учащихся-филологов 3 и 4 сертификационных уровней владения русским языком. Поднимается вопрос об источниках единиц такого минимума, или когнем – лексических единиц с ярко выраженным фоновым компонентом, обладающих способностью аккумулировать знания. Предлагается процедура определения лингвометодической значимости когнем, т. е. способности становиться единицей обучения в иностранной аудитории, которая складывается из их когнитивной и коммуникативной значимости для национальной языковой картины мира носителей русского языка, на основании которой когнемы должны быть включены в ЛКМ. Основное внимание уделяется прецедентным текстам (ПТ) – особым единицам когнитивного уровня, имеющим сверхличностный характер и характеризующимся, согласно Ю.Н. Караулову, эмоциональной и познавательной значимостью, хрестоматийностью, многократной воспроизводимостью и реинтерпретируемостью. Отличительной особенностью этих единиц также является функционирование в речи не целиком, а при помощи отсылок, в качестве которых могут выступать другие когнемы. Описываются критерии и этапы проведения процедуры выявления единиц ЛКМ, которая апробируется на материале ПТ школьной классической литературы – одних из наиболее хрестоматийных ПТ. Приводятся результаты проведения опроса и ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка разных социальных и возрастных групп, которые представлены в виде списка ПТ, которые рекомендуется включить в ЛКМ для продвинутого этапа обучения русскому языку как иностранному (РКИ).

Ключевые слова: билингвальная личность, лингвокультурологическая компетенция, лингвокультурологический минимум, лингвометодическая значимость, прецедентный текст.

SCHOOL LITERATURE AS A SOURCE OF PRECEDENT TEXTS

M.A Ermakova

Maria A. Ermakova,

Postgraduate graduate, Department of Theory and Methodology
teaching Russian as a foreign language, Faculty of Philology, Moscow
State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation.
E-mail: ermakova.marie@mail.ru

Abstract. *The article investigates the problem of compilation of a linguocultural minimum (LcM) for foreign students-philologists with an advanced level of Russian as a foreign language. The question is raised about the sources of units for LcM – cognitive units, as lexical units including background component of meaning, with the ability to accumulate knowledge are called. A procedure is proposed for determining the linguistic and methodological significance of the cognitive units, i.e., the ability to become units of learning in a foreign audience, which consists of their cognitive and communicative significance for the national linguistic worldview of Russians, which is the basis for including the cognitive units in the LcM. The main attention is paid to precedent texts (PT) - special cognitive units, which have an interpersonal nature and, according to Yu.N. Karaulov, can be described as emotionally and cognitively significant, well-known, repeated for many times and able to be reinterpreted. A distinctive feature of PTs is also functioning in speech not entirely, but through references, which can be performed by the other cognitive units. Criteria and stages of the procedure for identifying LcM units are described and then tested on the basis of the material of the school classical literature - one of the most known materials. The results of the quiz and the associative experiment among Russian speakers of different social and age groups are presented as the list of PTs that are recommended to be included in the LcM for the advanced level of teaching Russian as a foreign language.*

Keywords: *linguocultural competence, linguocultural minimum, linguomethodical relevance, bilingual personality, precedent text.*

Обоснование проблемы исследования. При наличии глобальной цели сформировать у учащихся-билингвов коммуникативную компетенцию, что подразумевает в том числе развитие лингвокультурологической компетенции, методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) опирается на довольно разрозненную и неструктурированную теоретическую и практическую базу. Тесты ТРКИ-3 имеют чётко сформулированные требования к навыкам и умениям в различных видах речевой деятельности, однако до сих пор не существует лингвокультурологического минимума, с которым типовые тесты должны соотноситься. И даже составление лексического минимума для продвинутого этапа обучения представляет трудность из-за отсутствия чётких критериев для определения и включения в минимум тех или иных языковых единиц. Идеи создания такого минимума предлагали исследователи (Т.В. Кортава, 2000; Л.А. Дунаева и М. Руис-Соррилья Крусате, 2016).

В статье «Проблема составления лингвокультурологического минимума для иностранных учащихся: экспериментальные возможности» обосновывается необходимость создания лингвокультурологического минимума (ЛКМ) [11]. В качестве единиц ЛКМ рассматриваются когемы, обладающие лингводидактической значимостью, которая складывается из когнитивной и коммуникативной значимости данных когем для носителей русского языка, а также предлагаются критерии и алгоритм составления ЛКМ (на материале когем русских народных сказок). Когнитивная значимость сказок и их элементов может быть верифицирована путём оценки частоты их употребления в современных СМИ, рекламе, интернет-ресурсах, при помощи анализа ассоциативных, лингвострановедческих словарей,

словарей концептов и др., а также проведения опроса и ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка разных возрастных групп. Степень коммуникативной значимости когнемы для носителей языка определяется на основании её когнитивной значимости, мотивации к её употреблению в речи, частотности, количества трансформаций (Н.М. Шанский, 1985), а также стилового разнообразия текстов, в которых встречается данная когнема.

Теоретико-методологические основы исследования. Исследование носило чисто аналитический характер. Автор продуктивно использовал методы анализа, сравнения и сопоставления различных позиций и подходов авторов, рассматривающих разновидность прецедентных феноменов. В своей основе исследование опирается на системный, гуманистический, кутльурологический и аксиологический подходы. Целью исследования являлось решение проблемы формирования лингвокультурологического минимума (ЛКМ) для иностранных учащихся-филологов 3 и 4 сертификационных уровней владения русским языком. В исследовании обращаемся к конкретному типу когнем – прецедентным текстам (ПТ), а также отсылкам к ним – рассматриваем лингвометодический потенциал данных единиц.

Обсуждение результатов исследования. Феномен прецедентности берёт своё начало из теории интертекстуальности, основанной на представлении о взаимопроникновении текстов, причём под текстом понимается не только литературное произведение, но и культурное сознание, или языковая картина мира, которая, согласно некоторым ученым, может быть как индивидуальной, так и коллективной (В.В. Виноградову, 1980). Предложенный ещё в начале XX в. подход к литературе как к особому объекту, складывающемуся из авторских приёмов и существующему вне исторических, социальных и других факторов, то есть безотносительно к фигуре автора, заложил предпосылки рассмотрения литературных текстов с точки зрения их отношений между собой, ассоциативных связей, включённости текста в своего рода сеть, внутри которой протекает эволюция приёмов и жанров.

Развивая представления М.М. Бахтина¹ о «полифоническом романе», т.е. о включённости литературного произведения в контекст всего предшествующего ему искусства, впервые использует термин *интертекстуальность* Ю. Кристева, понимая под ним особый механизм «перезаписывания» одного текста другим, и называет интертекстом совокупность всех текстов, с которыми соотносится данное произведение (Ю. Кристева, 2000). Таким образом, свойство интертекстуальности позволяет текстам ссылаться на другие источники и самому выступать в роли источника заимствований для последующих текстов. В понимании Ю. Кристевой «интертекстуальность – социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое». Другой исследователь отмечает, что такая трактовка термина позволяет рассматривать как интертекст не только прямые цитаты, но и различные аллюзии на исходный текст: плагиат, пародию, перезапись и т.п. (Н. Пьеге-Гро, 2008).

По определению Р. Барта, «каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – 800 с.

анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек»²

В отечественной науке исследованием интертекста и интертекстуальности занимались ученые (Ю.М. Тынянов, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, В.П. Руднев, И.В. Арнольд и др. По мнению (Ю.М. Тынянова, 1977), рассматривавшего вопрос об интертекстуальности через пародию, понимание пародии как явления невозможно без соотнесения с предыдущей традицией. Учёный отмечает, что взаимопроникновение текстов, во-первых, носит системный характер, а во-вторых, обеспечивает обновление художественных систем. Ю.М. Лотман, следуя за представлением об интертексте М.М. Бахтина, пишет: «Кроме коммуникативной функции текст выполняет и смыслообразующую, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов. <...> Минимально работающий текстовый генератор – это не изолированный текст, а текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и семиотической средой»³ По мнению И.П. Смирнова, «интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, так сказать, интер<...>альности, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе. <...> В отличие от теории заимствований и влияний, новый метод учитывает и ставит во главу угла семантические трансформации, совершающиеся при переходе от текста к тексту и сообщая подчинённые некоему единому смысловому заданию» (И.П. Смирнов, 1995).

В.П. Руднев пишет, что интертекст – «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам»,⁴ а И.В. Арнольд предлагает понимать под интертекстуальностью «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций».⁵ Понятие интертекстуальности открывает широкие возможности для исследования, представая, с одной стороны, как художественный приём и элемент художественного дискурса, а следовательно, как проявление личности автора текста; с другой стороны – как метод прочтения текста, что соотносит произведение с литературным, историческим, социальным и лингвистическим контекстами.

В рамках когнитивной лингвистики понятие интертекстуальности осмысливается Ю.Н. Карауловым через призму концепции языковой личности (ЯЛ), которую исследователь представляет в виде структуры из трёх уровней: вербально-семантического, или «нулевого», т. к. на данном уровне говорящий ещё не проявляет индивидуальных особенностей ЯЛ; когнитивного, или тезаурусного; и прагматического, связанного с интенциями говорящего. Говоря о когнитивном уровне ЯЛ, отмечает неоднородность его единиц – когнем, под которыми исследователь понимает единство пяти компонентов: смысла, выражения, знака, области знания и функции знания. Среди когнем учёный называет концепты, фреймы, мнемы, прецедентные тексты и др. (Ю.Н. Караулов, 2009).

² Степанов Ю.С. (сост.) Семиотика: Антология. Изд-е 2-е, испр. и доп. – Екатеринбург: «Академический проект», 2001. – С. 36-37 (702 с.).

³ Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 144-147 (479 с.).

⁴ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – С. 113 (381 с.).

⁵ Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 346 (443 с.).

Прецедентный текст (ПТ) Ю.Н. Караулов определяет так: «Назовем прецедентными – тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Обязательными условиями прецедентности текста являются: (1) эмоциональная и познавательная значимость; (2) хрестоматийность – широкая известность среди образованных носителей языка (наравне с произведениями классической литературы, мифами, библейскими текстами и проч.); (3) многократная воспроизводимость в дискурсе ЯЛ; (4) реинтерпретируемость. Как пишет Ю.Н. Караулов, «хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов обуславливает <...> реинтерпретируемость: как правило, они перешагивают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений». По мысли исследователя, знание прецедентных текстов отражает принадлежность человека к той или иной эпохе и её культуре, т. е. выполняет, по сути, парольную функцию. Ю.Н. Караулов выделяет три способа бытования ПТ:

1) натуральный способ (текст «как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии»);

2) вторичный («предполагает либо трансформацию исходного текста в иной вид искусства <...>, либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических и литературоведческих (искусствоведческих) статьях, рецензиях, исследованиях»);

3) семиотический («обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком» (Ю.Н. Караулов, 2010)).

По мнению учёного, «весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения», и именно третий способ существования характерен для ПТ, так как «он имеет языковую природу – не социальную только, не психологическую главным образом, но лингвoseмиотическую по преимуществу. Приём, с помощью которого прецедентный текст вводится в дискурс языковой личности и тем самым актуализируется в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации, оказывается в чём-то сродни языковой номинации» (Ю.Н. Караулов, 2010).

В.В. Красных вводит термин «прецедентный феномен», предлагаемый в качестве гипонима к ряду понятий: «прецедентный текст», «прецедентное имя», «прецедентное высказывание» и «прецедентная ситуация» (В.В. Красных, 1997). Эта классификация получила поддержку в работах И.В. Захаренко (Захаренко, Красных и др. 1997) и других исследователей (Д.Б. Гудков, 1999; Прохоров 2004). Рассматривая ПТ как разновидность прецедентных феноменов, В.В. Красных и др. определяют его следующим образом: «Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национальнокультурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, “Евгений Онегин”, “Бородино”), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д.»⁶

⁶ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – С. 47 (282 с.).

Различая несколько групп прецедентных феноменов, исследователи закрепляют за понятием прецедентного текста исключительно вербально оформленные тексты, в то время как экстралингвистические представления о той или иной ситуации попадают в категорию прецедентных ситуаций, афоризмы и крылатые выражения относятся к прецедентным высказываниям, а прецедентные имена зачастую функционируют в качестве отсылок к ПТ или прецедентным ситуациям (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева, 1997). Подобное разделение прецедентных феноменов породило большое количество исследований, посвящённых прецедентным текстам, прецедентным именам, или «прецедентным онимам», были также введены такие понятия «прецедентные топонимы», «прецедентные образы», «прецедентные миры», «прецедентные жанры».

Однако такое разделение представляется излишним, так как в рамках НЯКМ прецедентные имена есть не что иное, как онимы, обладающие высокой когнитивной значимостью (т. е. находящиеся в «центре», а не на периферии НЯКМ), то же можно сказать и о прецедентных топонимах и прочих единицах, выделяемых как прецедентные феномены. Опираясь на представление о трёхуровневой структуре ЯЛ, мы будем также исходить из представления о том, что языковые единицы, актуализирующиеся на вербально-семантическом уровне, имеют низкую когнитивную значимость для данной НЯКМ, а потому, к примеру, онимы, не обладающие пятикомпонентной структурой когнемы, относятся не к когнитивному, а к вербально-семантическому уровню. Таким образом, необходимость выделения понятий «прецедентные феномены», «прецедентные онимы», «прецедентные топонимы» отпадает. В данной статье будет использоваться определение ПТ, данное Ю.Н. Карауловым, где ПТ понимаются не только как база вербализованных текстов, но и как экстралингвистические реалии, обладающие характеристиками ПТ.

По определению В.С. Елистратова и И.В. Ружицкого, созвучному пониманию ПТ Ю.Н. Карауловым, «в качестве ПТ могут выступать произведения художественной литературы, чаще всего хрестоматийные, библейские тексты, притчи, сказки, анекдоты, художественные фильмы, мультфильмы, песни и т. п., а также невербальные феномены, например, известные произведения живописи» [10]. К ПТ также относятся художественные и мультипликационные фильмы, рекламные ролики, речи политиков, анекдоты, песни, религиозные тексты, фольклорные произведения – легенды, мифы, сказки, былины, пословицы, поговорки, сказания, исторические события и т. п. [10].

В речи ПТ не воспроизводятся полностью, а обозначаются при помощи отсылок. В теории интертекстуальности традиционно рассматриваются текстовые вариации отсылки, различающиеся между собой точностью заимствования из исходного текста. В.С. Елистратов и И.В. Ружицкий, пишут, что «в качестве отсылок к ПТ используются пересказ какого-либо фрагмента текста, цитата (скрытая или трансформированная), название, имя автора, имя персонажа и др. в том случае, если они выполняют следующие функции: а) являются способом аргументации, б) будучи узнаваемыми, служат для установления контакта между автором и читателем, между персонажами художественного произведения, между любыми собеседниками (т. е. осуществляют функцию паролности, служат для снятия оппозиции СВОЙ ≠ ЧУЖОЙ), в) обладают экспрессивной насыщенностью, г) выступают как усиительное средство в раскрытии художественного образа, д) увеличивают эстетическое и/или этическое воздействие на читателя/слушателя» [10].

Однако разнородность терминов и определений, относящихся к таким отсылкам (цитация, цитирование, цитатная речь, аллюзивная фигура речи, словесная аллюзия и т. п.), размывает границу между ними и создаёт путаницу в их разделении. Н.А. Кузьмина, говоря о цитации в художественной речи и типах интертекстуальных знаков, следует терминологии М.М. Бахтина, в качестве родового называет термин «чужая речь/чужое слово» («высказывание другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное и

конструктивно законченное и лежащее вне данного контекста»), видовыми вариантами которого являются цитата, реминисценция и аллюзия (Н.А. Кузьмина, 1999). Согласно «Словарю лингвистических терминов», цитата представляет собой «1) дословно приводимые чьи-либо слова. 2) заимствованная, скопированная часть к.-л. произведения»,⁷ реминисценция – «намек на прецедентный текст, обнаруживаемый в художественном или публицистическом тексте, отзвук более раннего текста»,⁸ а аллюзия – «стилистическая фигура, выражение, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного факта».⁹

Выделяя различные типы аллюзий, составители «Словаря...» относят к ним только языковые единицы, такие как трансформации известных высказываний, библеизмов, названий произведений искусства и т. п. Рассмотрение только языковых заимствований, однако, сужает понимание интертекстуальности, убирая из поля зрения все нелингвистические явления, такие как визуальный образ, двигательные, слуховые ассоциации, поведенческие сценарии, невербальные сигналы и т. п., которые, даже не имея общепринятого названия, выполняют роль отсылок (например, *летит снежную бабу / снеговик; запах мандаринов на Новый год* и т. п.). Отсылками к ПТ могут служить не только текстовые, но и внетекстовые единицы, что позволяет отнести к отсылкам как афоризмы, строки из текста, название произведения или его глав, онимы (имя автора, персонажа), топонимы, так и атрибуты, предметы быта и др.

Необходимо также отметить, что ПТ строятся вокруг неких смысловых ядер – концептов, выполняющих в структуре ПТ «узловую» функцию, то есть формирующих когнитивные поля, которые зачастую пересекаются. Данное свойство ПТ, а также большое количество их связей с когнемами разных типов, позволяют говорить о лингводидактическом потенциале ПТ, так как концепт также является основой занятия по РКИ. ПТ и мнемы, охватывая обширный лингвокультурологический материал, становятся смысловым наполнением такого занятия. При использовании ПТ в качестве лингвокультурологического материала необходимо обучить иностранных учащихся распознавать отсылки к ПТ в повседневной речи носителей языка и самостоятельно оперировать ими. В настоящее время учебные пособия по РКИ предусматривают работу над ПТ, однако, как уже было сказано, единого лингвокультурологического минимума, способного послужить материалом для обучения, пока не создано.

Важно учесть и то, что не каждый ПТ актуален для современной НЯКМ. Так, ПТ могут быть выступления политиков (например, высказывания В.В. Путина, Д.А. Медведева, В.В. Жириновского и др.), песни, художественные фильмы, произведения литературы и др., причём в каждый конкретный отрезок времени будут актуальны те или иные ПТ. Поэтому необходимым представляется не только составление лингвокультурологического минимума (ЛКМ), соответствующего настоящему времени, но и рассмотрение механизма, посредством которого тексты становятся прецедентными, а также разработка процедуры отбора ПТ, актуальных на момент обучения.

О том, как происходит прецедентизация текста, размышляют В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова. Авторы пишут о единицах осмысления реальности, «жизненных ценностей сквозь призму одного языка с помощью культурной памяти» [13, с. 76], рассматривают такие понятия, как прецедентное предложение, прецедентное слово, прецедентное словосочетание, отмечают их способность к «оживлению накопленного опыта по одной детали» [там же] и выдвигают критерии, которые способствуют прецедентизации данных фрагментов текста.

⁷ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 452 (488 с.).

⁸ Там же. – С. 304.

⁹ Там же. – С. 28.

В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова выделяют сильные позиции прецедентных высказываний: по месту в тексте (заголовок, начало/конец текста или его фрагмента), по форме высказывания (краткость, меткость, остроумие), по содержанию (обобщённость, самодостаточность, коммуникативная сила), по отношению к другим характеристикам текста (авторитетность источника прецедентного высказывания, социальная значимость высказывания). По мнению исследователей, прецедентное высказывание, являясь частью текста, «аккумулирует прецедентность этого текста, свёртываясь до соответствующей сильной позиции: до заголовка, до этапного предложения, до конечного предложения. Этот процесс свёртывания мы бы назвали текстовой редукцией» [13, с. 74].

В настоящем исследовании высказывания такого типа считаются отсылками к ПТ, а не отдельными прецедентными высказываниями. Тем не менее, предложенные критерии располагают к размышлению о свойствах текста, которые способствуют его прецедентизации. Одной из характеристик ПТ является, по Ю.Н. Караулову, его хрестоматийность, то есть то, что в рамках данного исследования может быть названо когнитивной значимостью. Текст должен быть известен большой группе людей и, очевидно, оставаться известным продолжительное время, например, несколько поколений, чтобы стать хрестоматийным. Таковы, например, мифологические, фольклорные, религиозные тексты, книги и фильмы, ставшие классическими, исторические события и документы, песни и т. д.

В данной статье будет рассмотрен такой источник прецедентных текстов, как школьная литература. Этот выбор обусловлен тем, что школьную программу проходят практически все носители русского языка, следовательно, тексты русской классики и учебников хрестоматийны. Кроме того, школьная программа достаточно стабильна, что обеспечивает известность этих текстов разным поколениям, и составлена таким образом, чтобы представлять интерес в эмоциональном и познавательном плане. Иными словами, тексты школьной литературы изначально обладают когнитивной значимостью, и задача данного исследования – выделить среди них ряд ПТ, обладающих наибольшей когнитивной и коммуникативной значимостью и рекомендуемых к включению в ЛКМ для учащихся на продвинутом этапе.

Согласно процедуре отбора когнем для включения в ЛКМ, предложенной в статье «Экспериментальные возможности выявления коммуникативно значимых единиц в текстах русских народных сказок» (В.В. Красных, 2002) первым этапом при определении когнитивной значимости («хрестоматийности» по Ю.Н. Караулову), которая, в свою очередь, влияет на воспроизводимость и реинтерпретируемость, то есть коммуникативную значимость, является составление максимально полного списка когнем, существующих в коллективной НЯКМ, из которых затем при помощи проверки по национальному корпусу текстов и экспериментов среди носителей языка определяются когнем с наибольшей когнитивной и коммуникативной значимостью. В случае с ПТ данная процедура имеет ряд особенностей за счёт разнородности этого типа когнем: к ПТ относятся как короткие пословицы и поговорки, так и объёмные тексты. Кроме того, как уже было сказано выше, ПТ чаще всего не воспроизводятся в речи полностью, а актуализируются в культурной памяти при помощи отсылок. Следовательно, когнитивная значимость ПТ должна определяться особым образом, в частности, путём составления списка различных отсылок к конкретному ПТ и выявления их когнитивной и коммуникативной значимости (так как ПТ, отсылки к которым употребляются редко, постепенно теряют когнитивную значимость и уходят в пассивный запас).

Для выявления среди текстов школьной литературы тех ПТ, которые должны быть включены в ЛКМ, сначала был составлен список, включающий художественную литературу из школьного курса с 1921 по 2019 гг., а также книги, рекомендованные к прочтению

Президентом и Министерством культуры России.¹⁰ В список вошли 145 авторов и 537 произведений (стихотворения, поэмы, повести, романы, былины и проч.). Затем был проведён пилотажный опрос среди носителей русского языка, в котором респондентам предлагалось отметить названия тех произведений, с которыми они знакомы. Такой формат опроса представляется возможным потому, что тексты школьной литературы за счёт регламентированности и обязательности списка всегда известны ученикам именно по названию и имени автора, независимо от того, была ли прочитана книга. В опросе приняли участие 143 человека. Подавляющее большинство (126 человек, 88 %) составили респонденты в возрасте 18-35 лет, 10 человек (7 %) – в возрасте от 36 до 55 лет, 4 человека (3 %) – младше 18 лет, 3 человека (2 %) – старше 56 лет. Из них 7 человек (5 %) имеют законченное высшее образование или учёную степень по филологическому профилю, 69 человек (48 %) – законченное высшее образование или учёную степень не по филологическому профилю, 7 человек (5 %) ещё учатся в школе, имеют незаконченное общее среднее или получают среднее специальное образование, 62 человека (42 %) являются студентами или имеют полное среднее или незаконченное высшее образование. 54 опрошенных (37 %) заняты в гуманитарных профессиях, 40 (28 %) – в технической сфере, 18 (11 %) занимаются менеджментом, экономикой или юриспруденцией, 14 человек (10 %) работают в сфере искусства и культуры, 8 человек (5 %) – в сфере медицины, 4 человека (3 %) – в естественнонаучной сфере, 2 человека (1,5 %) – в сфере гостиничного бизнеса, 2 человека (1,5 %) – во внутренних службах (МЧС, полиция, ВС России).

По итогам опроса был составлен список, в котором отражён «процент узнавания» названий произведений, т. е. их когнитивную значимость (см. Таблицу 1). Далее из списка были выбраны тексты, узнаваемость которых составила 50 % и больше. Из всех произведений, прошедших отбор, были отобраны крылатые фразы, которые также являются отсылками к ПТ. Для этого были проанализированы учебные интернет-ресурсы для школьников и студентов, на которых собраны наиболее актуальные крылатые фразы из отобранных произведений, а затем каждая крылатая фраза была проверена на частотность употребления в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Всего в список вошли 254 крылатые фразы из школьного курса русской классической литературы, частотность употребления составила от 0 (*Мошенник на мошеннице сидит; Ври, да знай же меру; Чины людьми даются* и др.) до 194 (*Великий Комбинатор*) раз.

Для проведения эксперимента, выявляющего коммуникативную значимость крылатых фраз из произведений школьной литературы, были отобраны те фразы, которые встречаются в НКРЯ 15 раз и более (среднее значение частотности). Исходное произведение, а также дословное цитирование целых отрывков прозаического текста или стихотворений не учитывались, поскольку в этих случаях крылатые фразы не являются отсылками к ПТ.

После того как таким способом были отобраны наиболее частотные крылатые фразы, был проведён опрос носителей русского языка с целью сопоставить коммуникативную значимость данных фраз с итогами поиска в НКРЯ. Респондентам были представлены фрагменты современных произведений с трансформациями крылатых фраз и предложено опознать исходную фразу и определить автора и/или название произведения-первоисточника, чтобы оценить, часто ли носители языка встречаются с той или иной фразой в повседневной жизни. Опрошено было 24 человека, среди которых 18 (75 %) в возрасте от 18 до 35 лет, 3 человека (12,5 %) – от 36 до 60 и 3 (12,5 %) – старше 60 лет. 15 из них (62,5 %) имеют одно или несколько законченных высших образований или учёную степень в естественнонаучных областях, 3 (12,5 %) – в филологической области, 6 человек (25 %) ещё

¹⁰ 100 книг: Письмо Минобрнауки России № НТ-41/08 «О перечне «100 книг» по истории, культуре, и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемых школьникам к самостоятельному прочтению» от 16.01.2013. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70200292/#1000>

учатся в вузе или имеют незаконченное высшее образование. 9 респондентов (37,5 %) заняты в сфере менеджмента, экономики, юриспруденции, 4 человека (12,5 %) – в сфере культуры и искусства, 4 человека – в сфере медицины, 3 человека – в сфере образования и науки, 2 человека – специалисты в технической области, 2 человека заняты в сфере услуг.

Ниже приводим примеры стимулов и реакций – ответов респондентов – из проведенного опроса (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Результаты респондентов проведенного опроса

Фрагмент с трансформацией крылатой фразы	Ответы респондентов	%
«Она рисовалась ему таким маленьким капралом в юбке с мужеподобными ухватками – коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».	Не знаю Некрасов Некрасов, «Есть женщины в русских селеньях...»	25 % 50 % 25 %
«И долго буду тем любезен я народу, Что звуки новые для песен я обрел».	Не знаю Пушкин, «Я памятник себе воздвиг...» Пушкин, «Моцарт и Сальери» «...отцы относят меня к сброду, гонят с городов и сёл»	33 % 59 % 4 % 4 %
«И его рукописи не горят, книги никогда не исчезнут с полки, и народ ждет-не дожидается новых “Аристократок”, “Грустных глаз”...».	Не знаю Булгаков, «Мастер и Маргарита»	59 % 41 %
«Печальный въехал он в город и тут же получил пренебрежительное известие: барон фон-Мюллер ухитрился разориться и не мог ни сам приехать, ни денег прислать».	Не знаю Гоголь, «Ревизор»	59 % 41 %
«Но, конечно же, если во время утренней пробежки вы растекаетесь мыслью по дереву и если это самое дерево – яблоня, то вполне возможно, что вам удастся если не совершить, то, по крайней мере, открыть для себя известный закон Ньютона».	Не знаю «Слово о полку Игореве» Вещий Боян Закон физики	67 % 28 % 4 % 4 %
«Вывеска на “Макдональдсе”: “Какой же русский не любит быстрой еды?”».	Не знаю Гоголь Гоголь, «Мёртвые души» *Горький, «Мёртвые души»	50 % 13 % 4 % 33 %
«Человечишко уже не тварь дрожащая, а Человек, и он увольняется с предыдущей работы и кардинально меняет жизнь».	Не знаю Достоевский Достоевский, «Преступление и наказание» «Тварь дрожащая или право	13 % 20 % 50

	имею»	%
		17
		%

По итогам опроса были отобраны ПТ, отсылки к которым опознали (т.е. верно определили источник и/или автора произведения) не менее 40 % опрошенных. В данном исследовании такие тексты будут считаться обладающими достаточной коммуникативной значимостью для включения в ЛКМ. Важно отметить, что полученная выборка характеризует коммуникативную значимость не самих афоризмов, а ПТ, отсылками к которым они служат. Так, многие крылатые фразы из басен И.А. Крылова не воспринимаются как отсылки, а функционируют в речи самостоятельно. Часть афоризмов также может цитироваться и воспроизводиться в произведениях других писателей и поэтов (*гений чистой красоты* из произведения В.А. Жуковского «Лалла Рук» у А.С. Пушкина, *дым Отечества нам сладок и приятен* из «Арфы» Г.Р. Державина в «Горе от ума» А.А. Грибоедова и др.), и современные носители русского языка и культуры могут знать эти крылатые фразы по более поздним, но лучше известным им источникам. В анализе результатов опроса в подобных случаях мы не считали ошибкой указание в качестве источника произведение, в котором цитируется крылатая фраза.

По результатам проведённого исследования предлагается включить в ЛКМ для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения следующие тексты школьной русской классики: *Блок А.А.* «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»; *Булгаков М.А.* «Мастер и Маргарита»; *Гоголь Н.В.* «Мёртвые души», «Ревизор»; *Грибоедов А.А.* «Горе от ума»; *Ильф И., Петров Е.* «12 стульев»; *Лермонтов М.Ю.* «И скучно, и грустно...»; *Маяковский В.В.* «Стихи о советском паспорте»; *Некрасов Н.А.* «Мороз, Красный нос»; *Пушкин А.С.* «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Памятник», «Пророк», «Я Вас любил...», «Я помню чудное мгновение...»; *Толстой Л.А.* «Анна Каренина».

Подобная процедура отбора может использоваться для ПТ разных типов, относящихся к различным сферам, а также для других типов когнем. Алгоритм определения лингвометодического потенциала достаточно универсален: проверка начинается со сплошной выборки, после чего проходит «фильтр» для определения когнитивной значимости (на основании авторитетных источников, как-то: СМИ, интернет-пространство, соцсети и т. п.), а затем – коммуникативной (опрос респондентов). По итогам такой проверки единицы рекомендуются для включения в ЛКМ.

Заключение и выводы. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что при составлении ЛКМ исследователь встречает ряд трудностей, в основном связанных с особой способностью единиц когнитивного уровня актуализироваться и уходить в пассивный запас в зависимости от меняющейся социальной, лингвистической, культурной, политической ситуации и т. п. Во-первых, далеко не каждая когнема становится когнитивно и (тем более) коммуникативно значимой, особенно при рассмотрении больших групп носителей языка, т. е. встаёт вопрос о *хрестоматийности*, общеизвестности многих когнем. Скорость обмена данными в эпоху глобализации позволяет выделять поколения, разделённые уже не 10-20 годами, а 5-7, а порой даже 3-5 (так, разрыв между поколением рождённых в 1980-х и в 2000-х гг. колоссален, и лишь немногие когнемы объединяют их НЯКМ). Например, такое современное явление, как интернет-мемы, стало настолько распространённым и многообразным, что появилась необходимость фиксировать эти когнемы, что породило другой феномен – «Мемепедию», электронную энциклопедию, постоянно пополняемую свежими мемами. В связи с этим встаёт вопрос о «жизненном цикле» когнем, многие из которых успевают охватить лишь небольшую группу людей и

затем забываются, сменяясь следующей когнемой, а также вопрос о том, где и как данные когнемы должны фиксироваться (и должны ли).

Подводя итоги всему сказанному выше, создание ЛКМ предполагает составление минимума, в который входят когнемы, общие для носителей языка независимо от подгрупп и субкультур. Однако именно из-за того, что культурный фон постоянно обновляется, состав ЛКМ необходимо регулярно перепроверять, исключая из него устаревшие когнемы и включая актуальные.

Таким образом, составление ЛКМ – это не просто актуальная задача, но и объективная необходимость для методики преподавания РКИ.

Литература:

1. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Использование прецедентных текстов для формирования лингвокультурологических компетенций при подготовке учителя иностранного языка в высшей школе // Перспективы науки и образования. - 2018. - № 6(36). – С. 97-104. DOI: [10.32744/pse.2018.6.10](https://doi.org/10.32744/pse.2018.6.10)
2. Амирова П.Р. Шахбазанова Х.В. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов на занятиях практического курса русского языка // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - № 6(61). – С. 339-341. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27652381>
3. Балашова Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя слэнга (на материале прецедентного мира «Детство») // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2008. - № 2. – С. 4-9.
4. Березович Е.Л. К построению комплексной модели топонимической семантики // Известия Уральского гос ун-та. - 2001. - № 20. - С. 9-15.
5. Бирюкова М. С. Лингвокультурологическая компетенция содержание и теоретические основы // Ученые записки. - Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 114-120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27664909>
6. Волкова Р.А. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в художественном дискурсе Марины Степновой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2020. –Т. 13. Вып. 7. – С. 230-234. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.45>
7. Голутвина А.В., Бабина Л.В. Использование прецедентных феноменов в произведениях современных французских писателей Гийома Мюссо, Амели Нотомб и Бернара Вербера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2019. Т. 12. Вып. 1. - С. 74-79. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.16>
8. Горлова Е.А., Ершова О.В. Формирование лингвокультурологической компетенции за счет использования форм наглядности при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Самарского государственного технического университета. - 2018. - № 4(40). - С. 66-77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36872248>
9. Гриценко Л. М., Демидова Т.А., Бахонная М.Е. Прецедентные тексты на уроках русского языка как иностранного // Научный журнал КубГАУ. 2017. №126 (02). С. 343-355. DOI: [10.21515/1990-4665-126-026](https://doi.org/10.21515/1990-4665-126-026)
10. Елистратов В.С., Ружицкий И.В. О проекте «Словаря когнем постсоветского лингвокультурного пространства» // Современные проблемы науки и образования. 2015. - № 1-1. – С. 1159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25324854>
11. Ермакова М.А. Проблема составления лингвокультурологического минимума для иностранных учащихся: экспериментальные возможности // Rhema. Рема. - 2018. - № 1. - С. 102-115. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32709078>

12. Кортава Т.В. Лингвокультурологический минимум для иностранных учащихся естественнонаучного профиля // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – 2000. – С. 50–51.
13. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1 (147). – С. 73–76. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26353213>
14. Краснова Е.И., Абдрахманова Г.К., Пыхтина Ю.Г. Развитие лингвокраеведческой компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному в региональном вузе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 11(211). – С. 53–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32274046>
15. Пыхтина Ю.Г., Мендинова А.М. Формирование лингвокультурологической компетенции при обучении чтению иностранцев: на материале жанра фэнтези // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2018. – №4 (216). – С. 65–70. DOI: [10.25198/1814-6457-216-65](https://doi.org/10.25198/1814-6457-216-65)
16. Рекаева К.В. К вопросу о создании педагогической модели формирования лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-медиков как актуальной на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Казанский педагогический журнал. 2019. – №1. – С. 167–170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36807004>
17. Чилингарян М.В. Системно-деятельностный подход при обучении иностранному языку в средней школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 33. – С. 103–105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29108938>
18. Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. – 1973. – Vol. 15. – 803 p.
19. Volkova L. B. Discourse competence: Content, structure and principles of formation // Issues of cognitive linguistics. – 2018. – №1. – P. 5–11. DOI: [10.20916/1812-3228-2018-1-5-11](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-5-11)

Abstract:

1. Akasheva T.V., Rakhimova N.M. The use of precedent texts for the formation of linguoculturological competencies in the preparation of a foreign language teacher in higher education. *Prospects for Science and Education*, 2018, no. 6 (36), pp. 97–104. (In Russian) DOI: [10.32744/pse.2018.6.10](https://doi.org/10.32744/pse.2018.6.10)
2. Amirova P.R. Shakhbazanova Kh.V. Formation of linguoculturological competence of students in the classroom of the practical course of the Russian language. *World of science, culture, education*, 2016, no. 6 (61), pp. 339–341. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27652381>
3. Balashova L.V. Metaphor and linguistic picture of the slang carrier's world (based on the precedent world "Childhood"). *Bulletin of ISLU. Ser. Philology*, 2008, no. 2, pp. 4–9. (In Russian)
4. Berezovich E.L. On the construction of a complex model of toponymic semantics. *News of the Ural State University*, 2001, no. 20, pp. 9–15. (In Russian)
5. Biryukova MS Linguoculturological competence, content and theoretical foundations. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2016, no. 4, pp. 1–7. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27664909>
6. Volkova R.A. Precedent phenomena with the source sphere "Literature" in the artistic discourse of Marina Stepnova. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2020, vol. 13, issue. 7, pp. 230–234. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.45>
7. Golutvina A.V., Babina L.V. The use of precedent phenomena in the works of contemporary French writers Guillaume Musso, Amelie Notombes and Bernard Verber. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 74–79. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.16>

8. Gorlova E.A., Ershova O.V. Formation of linguoculturological competence through the use of forms of visualization in teaching Russian as a foreign language. *Bulletin of the Samara State Technical University*, 2018, no. 4 (40), pp. 66-77. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36872248>
9. Gritsenko L.M., Demidova T.A., Bakhonnaya M.E. Precedent texts at the lessons of Russian as a foreign language. *Scientific journal KubSAU*, 2017, no. 126 (02), pp. 343-355. (In Russian) DOI: [10.21515/1990-4665-126-026](https://doi.org/10.21515/1990-4665-126-026)
10. Elistratov V.S., Ruzhitskiy I.V. About the project "Dictionary of the cognition of the post-Soviet linguocultural space". *Modern problems of science and education*, 2015, no. 1-1, pp. 1159. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25324854>
11. Ermakova M.A. The problem of compiling a linguoculturological minimum for foreign students: experimental possibilities. *Rhema. Rema*, 2018, no. 1, pp. 102-115. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32709078>
12. Kortava T.V. Linguoculturological minimum for foreign students of natural science profile. *Actual problems of philology in the university and school*, 2000, pp. 50-51. (In Russian)
13. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. How texts become precedent. *Russian language abroad*, 1994, no. 1 (147), pp. 73-76. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26353213>
14. Krasnova E.I., Abdrakhmanova G.K., Pykhtina Yu.G. Development of linguistic and local linguistic competence in the classroom on Russian as a foreign language at a regional university. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2017, no. 11 (211), pp. 53-58. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32274046>
15. Pykhtina Yu.G., Mendinova A.M. Formation of linguoculturological competence in teaching foreigners to read: based on the fantasy genre. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2018, no. 4 (216), pp. 65-70. (In Russian) DOI: [10.25198/1814-6457-216-65](https://doi.org/10.25198/1814-6457-216-65)
16. Rekaeva K.V. On the question of creating a pedagogical model of the formation of linguoculturological competence of foreign medical students as relevant at the initial stage of teaching Russian as a foreign language. *Kazan Pedagogical Journal*, 2019, no. 1, pp. 167-170. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36807004>
17. Chilingaryan M.V. System-activity approach in teaching a foreign language in secondary school. *Scientific-methodical electronic journal "Concept"*, 2017, vol. 33, pp. 103-105. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29108938>
18. Barthes R. Texte. *Encyclopedia universalis*, 1973, vol. 15, 803 p.
19. Volkova L. B. Discourse competence: Content, structure and principles of formation. *Issues of cognitive linguistics*, 2018, no. 1, pp. 5-11. DOI: [10.20916/1812-3228-2018-1-5-11](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-5-11)

Submitted: 01 October 2020

Accepted: 25 November 2020

Published: 29 November 2020